

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ США
Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда

3 сентября 2014 г.

ДИСКУССИОННЫЙ ФОРУМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
Тема: «Правительство для народа: борьба с коррупцией»

Помощник государственного секретаря США по вопросам демократии, прав человека и труда Том Малиновски
Участники: Шрути Шах, Жан Песме и Хизер Лоу
Ведущий: Натаниэль Геллер

3 сентября 2014 г.
Штаб-квартира «Открытого правительства»
Вашингтон, округ Колумбия

Г-Н ГЕЛЛЕР: Спасибо всем присутствующим. Добро пожаловать в штаб-квартиру «Открытого правительства». Для тех, кто здесь впервые, поясню, что вы сейчас находитесь в центре сотрудничества 29 различных неправительственных организаций и компаний, занимающихся, если воспользоваться наиболее общей формулировкой, вопросами гражданского самоуправления и обеспечения прозрачности. Итак, приветствую всех, кто здесь впервые. И с возвращением тех, кто уже здесь бывал, особенно это касается присутствующих четырех докладчиков.

Итак, чтобы не терять времени, я вкратце ознакомлю всех с темами для обсуждения. Меня зовут Натаниэль Геллер, я – исполнительный директор Global Integrity, одной из групп, работающих в нашем центре. И от имени присутствующей здесь группы экспертов и Государственного департамента США я рад приветствовать всех на мероприятии, которое мы назвали «Правительство для народа: борьба с коррупцией». Мероприятие спонсировано Государственным департаментом в тесном сотрудничестве с Всемирным банком, Global Integrity, Transparency International и Global Financial Integrity.

Мероприятие начнется с кратких вступительных замечаний каждого из экспертов. Затем я проведу диалог, во время которого задам экспертам ряд вопросов по результатам их вступительных докладов, а после предоставлю слово присутствующим, а также зрителям и слушателям, которые наблюдают за нами в Интернете. Целая группа операторов обрабатывает сообщения в «Твиттере», так что все пользователи «Твиттера» могут задавать любые вопросы, используя хэштег #StateofRights, который уже довольно активно функционирует, поэтому можете начать использовать его в любой момент. Все ваши вопросы будут стекаться ко мне с помощью вот этого волшебного устройства. Дополнительные ресурсы, сопровождающие сегодняшнее мероприятие, также доступны на сайте humanrights.gov/StateofRights в цифровом архиве.

Первым по порядку, и далеко не последним по важности, я имею честь представить Тома Малиновски, который обладает – я уверен, что все здесь присутствующие об этом знают – большим опытом работы в области прав человека, а также управления и обеспечения прозрачности. В настоящее время он занимает пост помощника государственного секретаря США по вопросам демократии, прав человека и труда. Это просто замечательно.

Я уже давно слежу за вашими успехами, поэтому я прямо танцевать готов от радости, что вы сегодня здесь с нами. Я думаю, все этому рады– (смех) – я могу станцевать. (Смех). Ну ладно, танцевать не будем. Просто я взволнован – (смех) – да, вот именно. Теперь я обращаюсь к вам, Том, чтобы дать толчок нашей сегодняшней дискуссии. Мне на самом деле интересно – и я знаю, что вы расскажете нам об этом, – как вы все в правительстве США сейчас рассматриваете вопросы управления и коррупции – в рамках вопросов прав человека или вне их, и каковы ваши взгляды на взаимосвязь между этими двумя областями? Итак, давайте начнем с вас, а затем перейдем к другим экспертам, которых я представлю по ходу дискуссии.

ПОМОЩНИК ГОССЕКРЕТАРЯ МАЛИНОВСКИ: Большое спасибо, Натаниэль.

Благодарю всех собравшихся за участие в этой дискуссии. Я думаю, большая аудитория наблюдает сейчас за нами во всем мире в режиме онлайн. Так, я думаю, что сейчас нас смотрят в Албании, поэтому я хочу поприветствовать всех в этой стране, а также во всех других странах.

Отвечая на ваш вопрос, хочу сказать, что в странах, которые не дают мне спать по ночам, права человека и коррупция – это грани одной и той же проблемы. Это не просто отдельные и в чем-то пересекающиеся вопросы. Это одна и та же проблема. Неважно, кто вы – бедный лавочник в Нигерии, вынужденный платить взятки, чтобы защитить свое место на рынке, или богатый бизнесмен в России, которого убивают за то, что он вскрыл схему налогового мошенничества, – для вас это одна и та же проблема.

И если посмотреть на авторитарные режимы во всем мире, коррупция там фактически является основным принципом работы системы. Именно поэтому многие диктаторы так цепко держатся за власть. Это своего рода клей, который не дает режимам развалиться, поскольку для того, чтобы принадлежать к кругу избранных, нужно быть коррумпированным, а сам факт коррумпированности человека является козырем в руках его хозяина, если этот человек вдруг вздумает повернуться к нему спиной. А кроме того, этот вопрос – чему мы много раз становились свидетелями в последние годы – этот вопрос, как никакой другой, объединяет борцов за демократию и права человека во всем мире – будь то Тунис, Россия, Китай или Бирма. Эта проблема больше всех остальных заставляет людей выходить на митинги в поддержку демократии, верховенства права и ответственного правительства.

И я полагаю, что все сотрудники администрации президента Обамы понимают, что заострение внимания на вопросах коррупции и ее связи со злоупотреблением властью является одним из эффективных методов борьбы с нарушениями прав человека и недемократическими режимами по целому ряду причин. Во-первых, ни в одной политической структуре или обществе не может быть оправдания коррупции. Все, по крайней мере на словах, настроены против нее. В мире существуют режимы, которые оправдывают необходимость ареста журналистов или закрытия доступа в Интернет, или осуществления других жестоких мер, однако ни один из режимов не защищает воровства. Так что это самый важный момент.

Во-вторых, сопротивление коррупции, как правило, является объединяющим фактором для того самого населения, которое диктаторы пытаются разобщить. Так что, независимо от того, суннит вы или шиит в Бахрейне или Ираке, по этому вопросу между вами нет

никаких разногласий. Неважно, живете ли вы в на севере Нигерии или на юге Нигерии, главное, что к коррупции вы относитесь одинаково. И националистам, и либералам в России – всем им претит коррупция в правительстве Путина.

И я полагаю, что большинство людей в мире признают законность международных усилий по борьбе с коррупцией, поскольку полученные в результате коррупционных действий деньги проходят через международную банковскую систему. Или взять, к примеру, Россию, где опросы общественного мнения показывают, что большинство простых россиян очень негативно относятся к давлению иностранных правительств, которое те оказывают на их страну непосредственно по вопросам прав человека или демократии, однако они весьма позитивно оценивают применение нами санкций в отношении коррумпированных представителей власти, которые переводят свои деньги, скажем, на Французскую Ривьеру или в Лондон, или в США.

Итак, мы очень внимательно изучаем вопрос повышения эффективности наших усилий. Мы, равно как и наши союзники и партнеры, немало делаем в этом отношении, однако есть также и слабые стороны. Я думаю, вы все заметили, что иногда некоторые из механизмов и инструментов, которые мы применяем для борьбы с коррумпированными, авторитарными руководителями во всем мире, действуют на иностранных лидеров скорее как налог на выезд. Вроде бы мы действуем весьма эффективно, как вдруг кто-нибудь вроде Януковича на Украине берет и просто уезжает. И вопрос сейчас, на мой взгляд, заключается в следующем: как нам научиться работать более эффективно, пока не настал такой момент.

И существует целый ряд вопросов, которые можно обсудить – от закона о бенефициарном владении, который затрудняет создание подставных компаний в США, чтобы мы могли более эффективно бороться с этим явлением в других юрисдикциях, используя инструменты, с помощью которых министерства юстиции и финансов США уведомляют банки об обнаруженном потоке денег, связанных с коррупцией, до оказания всемерной помощи организациям гражданского общества, борющимся с этим явлением на низовом уровне. Это для нас высокоприоритетная задача. Я думаю, что в будущем мы увидим, что она станет еще более приоритетной.

Благодарю вас.

Г-Н ГЕЛЛЕР: Отлично! Большое спасибо, Том. Теперь давайте обратимся к Шрути Шах, которая является – я забыл официальное название вашей должности – генеральным директором по вопросам политики в Transparency International USA. Для всех участников из округа Колумбия напоминаю, что Шрути является постоянным участником обсуждений по этим вопросам, так что обратите внимание на представленные ею слайды.

Г-ЖА ШАХ: Большое спасибо и доброе утро. Спасибо помощнику госсекретаря Малиновски, моим многоуважаемым коллегам и всем присутствующим за участие в дискуссии.

Как вы знаете, моя организация – Transparency International USA – занимается снижением уровня коррупции в бизнесе, правительстве и в сфере международного развития. В ходе своей работы мы выяснили, что существует связь между борьбой с коррупцией и борьбой

за права человека. Мы установили, что коррупция снижает способность правительств к защите и реализации прав человека. Например, невозможно обеспечить безопасность всех граждан, если полицейские силы страны коррумпированы.

Мои коллеги могут привести массу статистических данных по коррупции, но меня совершенно поразила статистика Управления Организации Объединенных Наций по правам человека. В ней говорится, что сумма денег, которые ежегодно съедает коррупция, более чем в 80 раз превышает ту сумму, которой хватило бы, чтобы накормить всех голодающих в мире. Только представьте себе – более чем в 80 раз.

Я подготовила три слайда, которые демонстрируют различные грани коррупции в трех разных регионах мира, и в них наглядно видна связь коррупции с проблемой прав человека, а также с вопросами развития. Мне кажется, что эти примеры найдут больший отклик, чем просто мои слова.

Итак, давайте начнем с Индии, страны, где прошло мое детство. Я не знаю, многие ли из вас слышали об Играх Содружества, но это третье по масштабу мероприятие в мире для различных видов спорта. В 2010 году они проводились в Индии и по замыслу организаторов должны были продемонстрировать мощь Индии как растущей экономической державы. К сожалению, замысел этот реализовать не удалось. Игры запомнились сообщениями СМИ о коррупции, скандалами и плохой организацией. Центральный комитет бдительности Индии сообщил, что почти все подрядчики взвинтили цены на свои работы, которые, кстати сказать, отличались очень низким качеством. В итоге Игры обошлись в девять раз дороже, чем предполагалось изначально. Кроме того, не обошлось и без человеческих жертв. Более 150 рабочих погибли во время строительства объектов Игр. Многие из этих объектов строились с использованием труда детей, которым платили менее трех долларов в день.

Теперь взглянем на другой регион мира – Нигерию. Как вы знаете, Нигерия богата полезными ископаемыми. Это крупнейший производитель нефти в Африке, и, несомненно, это нефтяное богатство могло бы вызволить из нищеты миллионы жителей страны. К сожалению, Нигерия имеет очень слабые показатели гуманитарного развития. Большая часть населения страны живет в крайней нищете, и, кстати, детская смертность в Нигерии почти в три раза выше, чем в Бангладеш – также очень бедной стране.

Я продолжу тему, поднятую помощником госсекретаря Малиновски, и поговорю о хищении государственного имущества в Украине, которая в последнее время занимает значительное место в новостях. В начале этого года новый премьер-министр Украины сообщил, что государственная казна недосчиталась 37 млрд долларов США, и это при том, что среднемесячная зарплата в Украине составляет порядка 500 долларов США. Это свидетельствует... и мы знаем из прессы о дворцовом комплексе Януковича, видели его фотографии, и выяснили, что он частично принадлежит британской подставной компании. Это наглядно демонстрирует роль фиктивных компаний в процветании коррупции.

Кроме того, мне хотелось бы напомнить о том, насколько трудно бывает вернуть похищенные средства. Есть сведения, что Хосни Мубарак похитил у Египта многие миллиарды долларов. По некоторым оценкам – почти 70 млрд долларов. Но лишь один или два миллиарда были найдены и заморожены, и еще меньшая сумма была реально

возвращена в страну. И на этом, я полагаю, настало время передать микрофон Жану Песме. (Смех).

Г-Н ГЕЛЛЕР: Благодарю вас. Жан Песме, для тех, кто не знает, является координатором Инициативы Всемирного банка по возвращению похищенных активов, которая, в некотором роде, является важнейшей глобальной силой, связывающей все эти вопросы воедино, в том смысле, что ... для тех, кто наблюдал за событиями в этой сфере в последние 10–15 лет, знаменательная сделка между глобальными северным и южным полюсами по вопросам коррупции выполняется предположительно благодаря этой Инициативе и другим аналогичным инициативам, т.е. по сути юг сказал – хорошо, мы согласны более эффективно бороться с коррупцией, если вы поможете нам вернуть наши деньги. А этим как раз и занимается Жан. (Смех).

Г-Н ПЕСМЕ: Спасибо за вступительное слово. Прежде всего, спасибо большое, конечно, что пригласили. (Смех). Да, моя зарплата зависит от того, сколько активов мы возвратим, так что – (смех в аудитории) – шучу, конечно. Итак, большое спасибо за приглашение. Я думаю, это прекрасная возможность обсудить эти вопросы.

Во-первых, позвольте мне рассказать немного о роли Всемирного банка и (неразборчиво). Я имею в виду, что существует явная связь между самой коррупцией и развитием, вы подняли этот вопрос, и, по-моему, вы удачно его резюмировали. Я думаю, наиболее наглядный пример сейчас – это Тунис. Недавно Банк опубликовал документ, из которого явствует, что, согласно имеющимся доказательствам, семья Бен Али контролирует до 30% экономики Туниса. Это то, что мы называем государственным захватом. Мы можем обсуждать деньги, мелкую коррупцию. Я полагаю, что когда речь идет о серьезной коррупции, мы говорим о способности государственных чиновников контролировать эту часть экономики для собственной выгоды и о том, как с этим бороться.

Итак, согласно нашим оценкам – которые не являются бесспорными – от 20 до 40 млрд долларов ежегодно выводятся из развивающихся стран. Эти ресурсы можно считать потерянными. Эти деньги не пойдут на иммунизацию населения, на подключение домов к системе водоснабжения. Но за всем этим стоит чувство безнаказанности и то, что вы охарактеризовали с политической точки зрения, то есть в данной ситуации общественный договор очевидно нарушается, а этого допускать нельзя.

Итак, мы начинаем... мы подходим к этому очень специфично, то есть отслеживаем поток денег, тем самым внося вклад в общую борьбу с коррупцией. И я думаю, вы согласитесь, что идеальной ситуацией было бы полное отсутствие коррупции, но давайте будем реалистами, это (неразборчиво). Поэтому вопрос заключается в том, что с ней делать. И вы сами можете представить масштаб стоящих перед нами задач, если еще раз задумаетесь над этими цифрами – от 20 до 40 млрд долларов расхищаются ежегодно. По нашим оценкам, с 2006 года было возвращено не более 500 млн долларов, и еще 2 млрд было заморожено. Существует огромная пропасть между всеобщим представлением о происходящем и тем, какое количество активов было фактически возвращено из всего объема активов, замороженных в надежде на возвращение.

Так что нам всем нужно наращивать усилия, и об этом, мне кажется, уже говорил Том. Этот вопрос можно решить только в глобальном формате. Так что это касается

правительств, это касается финансовых центров – они должны наращивать усилия. Они должны сделать так, чтобы их финансовые системы не допускали проникновения активов, приобретенных в результате коррупционной деятельности, с той легкостью, с которой это происходит в настоящее время. Это касается развивающихся стран – в некоторых из них преследование коррумпированных государственных чиновников ведется недостаточно активно. Да, очень трудно заставить органы власти расследовать свои собственные нарушения. В случае тотального государственного захвата это практически невозможно. Однако есть методы внешнего воздействия, и я возвращаюсь к потенциальной роли гражданского общества. Так что, на наш взгляд, можно сделать гораздо больше. И, возвращаясь к одному из вопросов, который мы в настоящее время и отчасти (неразборчиво) обсуждаем в финансовых центрах, прозрачность финансовой системы, бенефициарное владение является краеугольным камнем всех этих усилий в плане предотвращения хищений и в плане фактического возвращения похищенного.

Во-вторых, бизнес также должен прилагать больше усилий в этом направлении. На мой взгляд, сейчас мы наблюдаем возрастание уровня понимания среди представителей бизнеса, особенно в промышленности, поскольку коррупция, если можно так выразиться, является неким дополнительным налогом на доходы бизнеса, с которым нужно как-то бороться. Деловая двадцатка (B20) работает над решением этого вопроса, и это весьма отрадно. Здесь у нас есть представители одного игрока, который нам очень нужен – хотелось бы услышать от них как можно больше – это финансовый сектор. Какова на ваш взгляд его роль в этом вопросе? Мы не говорим здесь о поиске виновного среди банков, и я полагаю, что многие банки действительно предпринимают существенные усилия. И тем не менее мне кажется, что финансовый сектор недостаточно организованно наращивает коллективные усилия в отношении того, как можно было бы принять участие в обнаружении доходов от коррупции.

Гражданское общество тоже играет здесь свою роль. И с точки зрения возвращения активов, с точки зрения общественной позиции, мы наблюдаем мобилизацию гражданского общества, которое активно противостоит коррупции. Мне кажется, можно было бы сделать еще многое в плане возвращения самих активов. Например, более активная позиция общества против коррупции, то есть давление на власти с целью принудить их к активизации расследований, к возбуждению новых уголовных дел в отношении коррупционеров.

Второй элемент – обнаружение и разоблачение. И мы видим, как в некоторых странах – Украина является здесь прекрасным примером – гражданское общество играет очень важную роль. Но кроме того мы наблюдаем появление новой очень интересной тенденции, когда гражданское общество становится участником реальных судебных процессов. И мы видим это в целом ряде стран, в частности в (неразборчиво) странах. И по нашему мнению, это открывает весьма интересную возможность добиваться действий со стороны органов прокуратуры и уголовной юстиции. Благодарю вас.

Г-Н ГЕЛЛЕР: Благодарю вас, Жан. И, наконец, последней по списку, но отнюдь не по значимости, выступает Хизер Лоу, юрисконсульт и директор по вопросам органов власти из организации Global Financial Integrity, которая никак не связана с Global Integrity, хотя нам практически каждую неделю звонят люди, путающие наши организации.

Г-ЖА ЛОУ: Да, хорошо, что мы дружим между собой.

Г-Н ГЕЛЛЕР: Ну, в принципе, да. (Смех). Госпожа Лоу – еще одна неременная участница обсуждений по этим вопросам. Хизер, вам слово.

Г-ЖА ЛОУ: Конечно. Большое спасибо. Я очень рада быть здесь и приветствую всех пользователей киберпространства во всем мире. Я с большим удовольствием воспользуюсь возможностью поговорить сегодня с вами, и надеюсь ответить на некоторые из ваших вопросов и поучаствовать в дискуссии.

Я работаю в организации, которая называется Global Financial Integrity и находится здесь, в округе Колумбия. Нас знают главным образом благодаря нашей статистике незаконных финансовых потоков. И так, по нашим оценкам из одних только развивающихся стран каждый год выводится приблизительно от 850 млрд до 1 трлн долларов в виде незаконных финансовых потоков или незаконно приобретенных средств. Это колоссальная сумма. Поистине астрономическая сумма. Эти деньги могли бы работать внутри развивающихся стран и обеспечивать их экономический рост. Эти деньги могли бы облагаться различными налогами и создавать внутренние доходы. Возможно, эти деньги расхищаются, утекают или незаконным образом перенаправляются из государственной казны. Так что это огромная проблема, и нет абсолютно никаких сомнений в том, что она напрямую способствует росту бедности во всем мире.

Наша статистика основана на данных Всемирного банка и МВФ, на общедоступной информации. С характером и методами нашей деятельности можно ознакомиться в наших докладах. Собственно говоря, наша деятельность имеет два направления. Согласно нашим данным, около 20% этих денег просто исчезают из мировой экономики, и мы пока не в состоянии точно сказать, каким образом. Иногда это могут быть взятки, когда деньги уплачиваются в одном месте и не регистрируются в другом, либо эти деньги могут изыматься непосредственно из государственной казны. Еще один путь – это денежные переводы, международные банковские переводы, которые отправляются из одного места и таинственным образом исчезают из международной финансовой системы. Такого рода вещи происходят достаточно регулярно. На них приходится примерно 20% всех исчезающих денег.

А остальные 80%? Остальные 80%, по нашим данным, приходятся на так называемые коммерчески недостоверные счета. Это когда сумма счета в рамках международной торговли товарами одной стороны расходится с аналогичной суммой счета другой стороны. Довольно интересная концепция. Здесь речь идет о глобальной торговле, но некоторые считают, что глобальная или неглобальная – неважно. На самом деле существует только три причины возникновения ситуации, в которой используются коммерчески недостоверные счета.

Первая причина – это уклонение от налогов, будь то уклонение от уплаты таможенных сборов, подоходного налога, НДС или просто налога на прибыль. Вторая причина – попытка замаскировать движение потоков незаконно полученных денег по всему миру. В этом случае торговля используется для сокрытия незаконных транзакций; доходы от взяточничества, торговли наркотиками и т.д. смешиваются с доходами от законной торговли для сокрытия источников преступных доходов. Третья причина, конечно же, –

это человеческий фактор. Людям свойственно ошибаться. И эти ошибки бывают в оформляемых счетах. Конечно же, эти ошибки не составляют 800 млрд долларов, пропадающих из мировой экономики, но, тем не менее, я думаю, мы вполне можем какую-то часть этой суммы объяснить этим.

Итак, вот что мы имеем. Мы имеем такой вот расклад: 80 на 20. И я полагаю, что большинство присутствующих в этом зале считают, что основная часть этих 20% приходится на взятки, на отток денег из правительственной казны, в общем – на все, что мы традиционно относим к коррупции. Это и есть коррупция. Таково наше определение. Но что сказать о 80%, которые касаются торговли? Относятся ли они к коррупции? Сейчас эта тема довольно активно обсуждается, и думаю, что в дискуссии участвуют многие. Собственно, сам помощник госсекретаря упомянул о некоторых финансовых взаимосвязях между коррупцией, правами человека и собственно мировыми денежными и торговыми потоками. Так что тема актуальная.

Если же мы обратимся к непосредственному определению коррупции – не юридическому определению, которое естественно будет очень узким, а к общепринятому определению понятия «коррупция», то мы придем к таким понятиям, как коррупционные или не благоприобретенные доходы, бесчестность, моральная деградация. Быть коррумпированным – значит заниматься мошенничеством, не иметь совести, плутовать. Я абсолютно уверена, что все эти 80%, включая уклонение от налогов и сокрытие движения средств, полученных незаконным путем, все это подпадает под определение коррупции.

Но мы обычно не смотрим на проблему с этой точки зрения. А когда мы ищем ее решение на международном уровне, мы рассматриваем мировой торговый режим и вносим коррективы в мировые торговые методы, так ведь? А к взяточничеству это применимо? Сомневаюсь. А к похищенным из казны активам? Навряд ли. Так почему мы так поступаем с такого рода торговыми методами? Почему мы не относим такие деяния к коррупционным? Этот вопрос я хотела задать всем здесь присутствующим и обсудить его.

Возвращаясь к правам человека, вспомним например случай с BNP Paribas, крупным французским банком, который только что был оштрафован США на 8,9 млрд долларов за нарушение американских санкций, включая те, которые были введены в отношении Судана. Эти санкции мы ввели в отношении Судана, потому что суданское правительство проводило политику геноцида, и правительство США считало, что американские доллары не должны поддерживать такого рода деятельность. Поэтому мы ввели санкции. С нашей стороны это была попытка предотвратить финансирование правительства, осуществляющего геноцид, т.е. серьезно нарушающего права человека.

Собственно для банков во всех странах мира это означало, что они не могли осуществлять операции в американских долларах ни с кем в Судане, включая правительство. Они могли при желании осуществлять операции в евро, фунтах стерлингов, иенах, но только не в американских долларах. Так вот, одно отделение банка BNP Paribas решило, что не подчинится этому решению, потому что это обошлось бы им слишком дорого с точки зрения их коммерческих интересов. Поэтому это отделение банка решило прибегнуть к весьма хитроумной схеме обхода американских санкций с помощью торгово-финансовой группы. Эта торгово-финансовая группа просто не могла позволить себе не осуществлять операции в долларах США, в том числе и с правительством Судана.

Это наглядный пример того, какие тесные связи существуют между торговлей, и коммерческими финансами с одной стороны, и правами человека, коррупцией и санкциями – с другой. Для этого банка это было настолько важно. Это пример такого контекста.

Завершая выступление, скажу, что сотрудники GFI (Global Financial Integrity) делают все возможное, чтобы выйти на новый рубеж в порядке осуществления целей устойчивого развития на период после 2015 года, который состоит в сокращении к 2030 году этих связанных с торговлей незаконных финансовых потоков на 50%. И мы надеемся, что весь мир поддержит нас в достижении этого рубежа, поскольку он имеет решающее значение для развития, для защиты прав человека, для борьбы с коррупцией, и мы искренне надеемся на поддержку общественности. Вот собственно все, что я хотела сказать. Большое спасибо.

Г-Н ГЕЛЛЕР: Благодарю всех за вступительные замечания. Ну а сейчас я воспользуюсь своим правом председателя и задам несколько коротких вопросов. Затем мы обратимся к «Твиттеру» и «Фейсбуку» и ответим на вопросы участников со всего мира. Я постараюсь быть краток. Мне хотелось бы предложить вам на выбор три очень трудных вопроса. Вы можете выбрать тот, который вам по душе. Пока что у нас почти полное единодушие относительно того, что коррупция это плохо, она вредит росту и так далее, и тому подобное. Вся аудитория здесь и, я думаю, вся глобальная аудитория с этим согласится. Поэтому позвольте мне сейчас несколько усложнить проблематику и указать на...

ПОМОЩНИК ГОССЕКРЕТАРЯ МАЛИНОВСКИ: Не все с этим согласны.

Г-Н ГЕЛЛЕР: Справедливое замечание. Но большинство, я думаю, результаты опроса говорят о том, что с этим согласно большинство. Итак, позвольте мне слегка усложнить задачу и, образно выражаясь, копнуть поглубже. Итак, первый вопрос на выбор – миф о росте. Есть данные, есть исследования, которые свидетельствуют о том, что коррупция может препятствовать росту, хотя мы с трудом можем объяснить исключения из этого правила – например, Китай, Индонезия при Сухарто, большая часть Юго-Восточной Азии в 1960-е, 70-е и 80-е годы, сегодняшние Руанда и Сингапур. Итак, как нам найти квадратуру этого круга? Есть ли ответ на этот вопрос? Следует ли международному сообществу просто принять как факт, что существуют такие исключения? Итак, это первый вопрос на выбор.

Второй вопрос. Помощник госсекретаря говорил о гальванизирующем эффекте, который может оказать коррупция в критические моменты истории страны. Но что происходит впоследствии? Взгляните на сегодняшние Египет и Украину, где все буквально разваливается. Похоже, что этот связующий элемент довольно быстро рассыпался в ряде стран, хоть и не во всех. В какой степени мы можем полагаться на коррупцию как на фактор массовой мобилизации для политических изменений, и не ожидаем ли мы слишком многого? Не обрекаем ли мы себя на разочарования и провалы впоследствии, когда возвращаемся к старым пререканиям? Вот мой второй вопрос на выбор.

Третий вопрос будет такой: любопытно было бы, если бы кто-нибудь исследовал вопрос разногласий во внешней политике США в ряде стран? Я имею в виду, это получило

довольно широкую огласку в случае Афганистана и Ирака, но во многих других странах, где мы тратим большие деньги, уйму времени, тратим политический капитал на дипломатическую борьбу с коррупцией и обеспечение прозрачности, взятки тем не менее в буквальном смысле являются основным элементом и инструментом разведывательных ведомств во всем мире, включая наше собственное, и как же это все увязать? Это как если бы мы организовали семинар по борьбе с коррупцией, а через 10 минут после начала в зал вошел бы начальник разведгруппы ЦРУ с портфелем наличных и напомнил бы нам, как это должно делаться на самом деле. И я не утрирую. Именно так это и работает во многих местах.

Как видите, вопросы непростые, поэтому я разрешаю вам выбрать меньшее из зол и рассмотреть его как можно подробнее. Хизер у нас выступала последней, поэтому, я предлагаю дать ей слово в последнюю очередь. Итак, господин помощник госсекретаря, если желаете сделать свой первый ход, то дерзайте. (Смех).

ПОМОЩНИК ГОССЕКРЕТАРЯ МАЛИНОВСКИ: Ну, я возьмусь сразу за последний вопрос насчет ЦРУ.

Г-Н ГЕЛЛЕР: Отлично. (Смех).

ПОМОЩНИК ГОССЕКРЕТАРЯ МАЛИНОВСКИ: А вообще давайте мне сразу два. То есть, во-первых, те разочарования, которые ждут нас в некоторых странах, где не все предпринимаемые усилия венчаются успехом. Да, не все. Так всегда было и так всегда будет. Это так в каждом вопросе внешней политики, над которым мы работаем. Я часто повторяю, и, возможно, эта моя поговорка уже набила оскомину моим подчиненным, что дипломатия в сфере прав человека и вообще вся внешняя политика чем-то напоминает бейсбол, и если вы заработаете 300 очков, то имя ваше будет увековечено в Зале славы.

Да, бывают ситуации, как в Египте, где по-видимому произошла революция в буквальном смысле этого слова и все вернулось на круги своя. Но с другой стороны, есть и другие истории – истории успеха или потенциального успеха, как, например, в Тунисе, или, возможно, мы надеемся, в Бирме, где общественные движения возникли отчасти благодаря народному возмущению политической и экономической коррупцией и приводят к несколько лучшему, несколько более честному правительству, с учетом того, что правительства состоят из людей, а люди несовершенны, и ни одну проблему нельзя решить до конца. И меня такие истории радуют.

А что касается противоречий в американской внешней политике, то, опять же, государствами управляют люди, и все мы полны противоречий. Но, по-моему, разрешить некоторые из этих противоречий можно, если честно признать, что бывают времена, когда нам приходится – что, кстати, признал Президент и другие члены администрации – нам приходится иметь дело и заключать сделки с правительствами, которые не оправдывают наших ожиданий и не соответствуют нашим идеалам, в целом ряде регионов. Но вместе с тем мы можем использовать инструменты, предназначенные для осуществления наших законов с учетом наших ценностей. А дальше за дело берутся дипломаты и пытаются разрешить все возникающие противоречия.

Что же касается борьбы с коррупцией, множество инструментов и механизмов, имеющих в нашем распоряжении, – это нейтральные правоохранительные механизмы, которые находятся в компетенции профессионалов в нашем Министерстве юстиции, в нашем Министерстве финансов, в некоторых неполитических подразделениях правительства США, которые, если им будет приказано выполнять свою работу с помощью неполитических средств, выполняют ее с помощью неполитических средств, даже если иногда это усложняет жизнь для дипломатов и тех, кто реализует другие аспекты нашей внешней политики. И это хорошо; такие противоречия полезны. И мне это нравится больше, чем постоянно рассматривать эти проблемы под другим углом.

Г-Н ГЕЛЛЕР: Спасибо. Шрути, какой вопрос выберете вы?

Г-ЖА ШАХ: Я возьму ваш вопрос по поводу Египта и определенных стран, типа Китая и так далее, но главным образом сосредоточусь на Египте, где, как вы сказали, все началось с борьбы с коррупцией, но потом как-то сошло на нет. Но, разумеется, страны, которые вы назвали – Китай, Египет, некоторые другие, у них есть одна общая особенность – подавление гражданского общества. Для того, чтобы поддерживать движение по борьбе с коррупцией, необходимо что-то большее, чем первоначальная вспышка революции. Для этого нужна благоприятствующая среда – защита борцов за справедливость, реальное уважение прав гражданского общества, а также само такое гражданское общество, содействующее этому процессу. И я думаю, что этим и отличаются некоторые другие страны, которые добились больших успехов, нежели остальные.

Но мне хотелось кое-что добавить, когда вы указали на связь между коррупцией и ростом. Я выросла в Индии и конечно не стала бы утверждать, что коррупция помогла достичь роста в некоторых странах. На мой взгляд, как раз борьба с коррупцией создает импульс для экономического роста. Рассматривать же только отдельные страны, в которых нет активной демократии, как, например, Китай и ряд других стран, было бы однобоко. Даже за последние четыре-пять месяцев, с момента вступления в должность нового премьер-министра Индии и прихода к власти новой партии фактически на базе антикоррупционной программы, индийская экономика уже стала расти быстрее, чем в течение двух последних лет. На этом я закончу.

Г-Н ГЕЛЛЕР: Жан?

Г-Н ПЕСМЕ: Ну, я, будучи международным бюрократом, возьму вопрос о бюрократии. На него мне будет легче ответить. Пара замечаний по поводу коррупции и роста. Я думаю, необходимо этот вопрос рассмотреть, и на мой взгляд, все мы согласны с тем, что существует негативный эффект от коррупции, но при этом есть исключения. И потом, я не совсем уверен, что мы до конца поняли весь механизм и достаточно тщательно изучили с экономической точки зрения все движущие силы и каналы. Так что, я думаю, над этим надо еще поработать.

И что интересно: рабочая группа Большой двадцатки по борьбе с коррупцией в прошлом году опубликовала доклад по рассматриваемым нами вопросам. В настоящее время мы сотрудничаем с ОЭСР по дальнейшему анализу ключевых секторов, а некоторые из них имеют важнейшее значение для развивающихся стран, например, добывающие отрасли. Так что, я думаю, нам нужно продолжать работу. И это может привести к неожиданным

результатам в некоторых случаях, но, я думаю, хорошо, что мы это обсуждаем, а не замалчиваем.

И я думаю, что еще один компонент – это рассматриваемые сроки и перераспределение роста, где иногда – именно поэтому я привел в пример ситуацию в Тунисе, где существовал общественный договор, может быть, в условиях более низкого роста, но более широкого его распространения, и, внезапно, когда этот общественный договор перестал соблюдаться вследствие государственного захвата, произошел политический взрыв. Поэтому мы должны учесть и такие вещи.

Теперь, не углубляясь в политическую составляющую некоторых из ваших вопросов, я хотел бы обратить ваше внимание на один момент, который всех нас касается – управление ожиданиями. Что мы видим, когда происходит смена режима и другие подобные события – я имею в виду, что мы это наблюдаем, занимаясь возвращением активов – у многих возникают ожидания, что ситуация станет идеальной уже на следующий день. Этого не произойдет. И, я думаю, очень важно стремиться к этому и использовать эту инерцию. С другой стороны, отрицательная сторона здесь та, что когда ситуация не улучшается немедленно, люди говорят “Чего зря стараться? Оно того не стоит.” И, мне кажется, очень важно здесь действовать с учетом времени, упорно, настойчиво и использовать успешный опыт, о котором говорил Том, но при этом отдавать себе отчет в том, какие методы не работают, и выяснять, почему они не работают – все это очень важно. Но надо не забывать, что все это требует времени и приносит плоды только в долгосрочной перспективе.

Г-Н ГЕЛЛЕР: Хизер?

Г-ЖА ЛОУ: Да, я соглашусь со многим, что было сказано. Я даже не буду пытаться ответить на вопрос про ЦРУ. (Смех). Честно говоря, любопытно было бы узнать, как выглядит мое досье в ЦРУ. Но что касается вопроса роста, то важным моментом здесь является продолжительный срок, безусловно. Краткосрочные успехи в течение какого-то периода времени можно объяснить рядом различных экономических факторов. Экономика зависит не только от наличия или отсутствия коррупции. Она зависит от множества факторов, например, от развития рынков.

Однако я хочу сказать, что ни для кого не секрет, что коррупция оказывает дестабилизирующее воздействие. Это дестабилизирующее воздействие носит долгосрочный характер, и чем выше уровень коррупции, чем дальше она проникает в экономику, в общество, тем деструктивнее она становится. И, разумеется, со временем она начинает влиять и на ПИИ (прямые иностранные инвестиции) и тому подобное. Так что я бы не стала здесь говорить об исключениях из правила. Я бы предложила подождать и понаблюдать за ситуацией некоторое время.

Кроме того, говоря о политических восстаниях, о крупных антикоррупционных волнениях, и о том, ведут ли они к улучшению ситуации – я думаю, здесь тоже многое зависит от конкретной страны. В такой ситуации начинаются политические волнения, люди выходят на улицы и говорят: хватит, пора покончить с этим [с коррупцией], люди требуют перемен. Но тогда возникает вопрос: что происходит после этого и какого рода политический вакуум образуется в результате?

И если есть надежные, позитивные, сильные личности, которые могут вести за собой людей в положительном направлении в условиях образовавшегося вакуума власти, тогда и результат будет более положительным. Если же таких людей нет, то и результат будет отрицательным. Лично я за то, чтобы люди вышли на улицы и сказали: «Коррупция должна прекратиться, в моем обществе не должно быть место коррупции». Тогда задаются маркеры, тон и, на мой взгляд, исходная точка для участия граждан в работе своего правительства и в том, что происходит с ними в повседневной жизни.

Г-Н ГЕЛЛЕР: А сейчас мы обратимся к вопросам, которые поступают к нам в электронной форме из «Твиттера» и «Фейсбука». Напоминаю, что хэштег для пользователей Твиттера – #StateofRights. Пожалуйста, не стесняйтесь, присылайте нам свои вопросы. А я попробую отвечать на них в реальном времени. Разумеется, вопросов слишком много, чтобы можно было ответить на все, поэтому я опять воспользуюсь своим положением и отберу те, которые мне покажутся наиболее интересными.

Давайте начнем, отвечая на вопрос Али из Бахрейна, с того, о чем говорила Шрути – с благоприятствующей среды. Итак, Али спрашивает, что, если сама система уголовной юстиции подвержена коррупции и контролируется власть имущими и богатыми, как тогда бороться с коррупцией? И это можно отнести к целому ряду аспектов благоприятствующей среды. Интересно, у кого-нибудь имеются соображения или комментарии? Я полагаю, всем вам приходилось сталкиваться с этим явлением в ряде стран, но когда система порочна, когда система служит гражданам небеспристрастно, как говорил Том, что делать в этом случае?

ПОМОЩНИК ГОССЕКРЕТАРЯ МАЛИНОВСКИ: Так почти всегда и бывает, поскольку коррупция – это система, работающая против людей, играющих по правилам. Так что ситуация такова практически по определению – всякий раз, когда вы боретесь с глубоко укоренившейся в стране коррупцией, вы сталкиваетесь именно с этой самой проблемой. Так каковы же инструменты борьбы с ней? По возможности нужно сотрудничать с организациями гражданского общества, организовывать своих сограждан для обличения коррупции с помощью социальных сетей, с помощью прессы. Организовывать кампании. Объединять усилия с другими согражданами, которые, возможно, не во всем согласны с вами, но тоже считают, что коррупцию нужно ликвидировать.

Разумеется, нам легко говорить такие вещи, тогда как во многих странах за любое упомянутое мною действие можно подвергнуться жестокому преследованию. И здесь может подключиться международное сообщество, которое как минимум должно исключить саму возможность нашей причастности к коррупции в упомянутых мною странах, которое должно не допустить, чтобы те, кто крадет большие деньги в своих странах, могли помещать эти деньги в банки, вкладывать их в недвижимость и активы в наших странах, а наши правоохранительные органы, свободные, я надеюсь, от коррупции, никак им в этом не препятствовали. Это самое малое, что мы можем сделать для людей, оказавшихся в такой ситуации.

Г-ЖА ЛОУ: Я хотела бы добавить, что гражданское общество в международном контексте – это тот институт, на который действительно можно опереться. Даже если в

вашей конкретной стране возможности гражданского общества ограничены, при наличии достоверных сведений о том или ином правонарушении расследование могут провести такие организации, как Global Witness, Transparency International или Human Rights Watch. Международное сообщество серьезно относится к этим вопросам, и если у вас имеются доказательства того или иного правонарушения или материалы дела, вы можете обратиться в эти организации. Хотелось бы также добавить, что у нас в Министерстве юстиции США есть специальное подразделение по борьбе с клептократией, которое непосредственно занимается расследованием хищения активов. Поэтому, если у вас есть надежные доказательства того, что похищенные активы находятся на территории США, Министерство юстиции очень заинтересовано в такой информации. Так что я безусловно рекомендую всем, у кого есть веские доказательства того, что такие активы находятся в США, предпринять такой шаг независимо от страны проживания.

Г-ЖА ШАХ: Должна сказать, что согласна со всеми замечаниями Хизер и помощника госсекретаря Малиновски. Но вопрос иммунитета от судебного преследования – это очень серьезный вопрос. И поэтому международная организация TI (Transparency International) запустила в понедельник новую кампанию по лишению коррумпированных лидеров во всем мире такого иммунитета. Кампания носит название «Сорви маску с коррупционера» (Unmask the Corrupt). В принципе, обо всем этом говорил помощник госсекретаря – что необходимо покончить с подставными компаниями и на деле повысить прозрачность в сфере бенефициарного владения, отказывать коррумпированным деятелям во въезде в нашу страну и кроме того, просто предложить продавцам предметов роскоши во всем мире внимательно проверять личности тех, кому они продают свою продукцию – это для того, чтобы роскошные автомобили, «Ламборгини», не продавались людям, которые украли деньги у собственной страны. Так что...

Г-Н ПЕСМЕ: Абсолютно с этим согласен. Добавлю еще пару слов. На следующей неделе выходит наш доклад о мировых тенденциях в области возвращения активов. Во всем мире существует лишь пять-шесть стран, обладающих системным подходом к возвращению активов, полученных в результате коррупционной деятельности. Нам нужно создать какую-то гораздо более обширную систему, обеспечивающую мобилизацию мирового сообщества. Да, у нас есть подразделение по борьбе с клептократией в США, аналогичная организация в Великобритании, швейцарцы тоже принимают меры в этом направлении. Никакие из этих мер не являются идеальными, и принимают их в четырех или пяти странах. Это хороший способ распространять информацию и заставлять финансовые центры во всем мире принимать заблаговременные меры по недопущению свободного перемещения активов, полученных в результате коррупционной деятельности, а не действовать по факту, когда это уже случилось.

Г-Н ГЕЛЛЕР: Перейдем к другому вопросу, довольно уже старому, но от того не менее актуальному; я позволю себе лишь немного видоизменить его. Этот вопрос поступил из Нидерландов и был размещен на странице Государственного департамента на «Фейсбуке». Вопрос звучит так: связана ли коррупция с характером человека, политикой или семейными традициями? Это такой способ задать классический вопрос: не носит ли эта проблема культурного характера? То есть эти люди коррумпированы по своей сути, и так происходит уже на протяжении нескольких поколений, вот и все. Я немного внес в вопрос свое субъективное видение, но мне любопытно будет услышать ваше мнение. И все вы занимаетесь решением одной проблемы, хотя и решаете ее различными методами.

Является ли эта проблема специфичной, скажем, для Афганистана, или нет? Итак, каковы ваши мысли на этот счет?

Г-ЖА ШАХ: Мне хотелось бы ответить на этот вопрос в частности потому, что я выросла в другой стране, хотя сейчас я являюсь гражданкой США. Я выросла в Индии, а особенностями культуры в Индии пытаются оправдать различные вещи – от мелких преступлений и коррупции до преступлений против женщин и вопросов гендерного неравенства. Я лично считаю, что так толковать культуру, значит оправдывать преступников, которые ею прикрываются. И культуру можно изменить. Даже в тех странах, где коррупция пустила глубокие корни, со временем культуру можно изменить. Мы наблюдаем это в странах, где другие вопросы, не обязательно связанные с коррупцией, например, гендерное неравенство – в сфере образования, соблюдения прав, системе правовых отношений – были решены, и ситуация изменилась в положительную сторону. Точно так же и с коррупцией и другими вопросами, с ней связанными – культуру можно изменить. На это требуется время, но это, безусловно, может быть сделано. Так что я не могу согласиться с тем, что это чисто культурное явление.

Г-Н ГЕЛЛЕР: (Не в микрофон)

Г-ЖА ЛОУ: Если хотите. Я абсолютно, как вы знаете, с этим согласна. Я бы еще сказала, задала бы вопрос: в вашем случае это верно? Я думаю, ответ будет, скорее всего, нет. Вероятно, это не верно для большинства людей в вашей стране. Так что, хотя это может носить культурный характер, но это не та культурная тенденция, которую бы вы хотели продолжить, правильно? Поэтому задайтесь этим вопросом: верно ли это в вашем случае?

Г-Н ГЕЛЛЕР: Позвольте мне задать пару вопросов о том, что может сделать, в частности, правительство США. Вопрос, адресованный конкретно помощнику госсекретаря: что может сделать возглавляемое им Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда, чтобы помочь гражданскому обществу в других странах бороться с коррупцией? Еще один вопрос касается состояния дел с бенефициарным владением. Кстати, эта фраза сегодня прозвучала уже много раз. Для тех, кто не слишком разбирается в таких вещах, хочу пояснить, что это касается вопроса о том, кто стоит за подставными компаниями, кто реально ими владеет. Так что это специальный термин, употребляемый в политическом сообществе, но на деле он касается попытки установить действительных владельцев компаний и корпораций. В последние годы во всем мире принимаются все более активные меры в этом направлении.

Это в каком-то смысле связанные вопросы. И опять я злоупотреблю своим положением: что делает Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда в этом отношении? Я полагаю, это вопрос лично к вам, Том. И более общий вопрос для всех четырех участников: каковы перспективы, будь то в европейских столицах или в Вашингтоне, дальнейшего продвижения в решении очень острых проблем, скажем, бенефициарного владения и подставных компаний? И если можно добавить еще один аспект – мы говорим о мелкой административной коррупции в других странах. Что происходит в случае применения политического давления в такой стране, как США, когда деньги управляют политикой и миллиарды долларов затрудняют законодательное решение этих проблем?

Итак, легких вопросов вы от меня не дожидаетесь, но можете выбрать любой из понравившихся.

ПОМОЩНИК ГОССЕКРЕТАРЯ МАЛИНОВСКИ: Ну что ж, основной задачей моего небольшого подразделения правительства США является документирование, выявление, освещение и объяснение проблемы и связей между этой проблемой и всеми другими проблемами, которые возникают в нашей внешней политике – что не так сложно делать – и помощь в проведении политической дискуссии о путях решения этой проблемы. Кроме того, мы в нашем бюро финансируем организации гражданского общества по всему миру, в том числе те, задачей которых является борьба с коррупцией, создание возможностей для местных общин выявлять [факты коррупции] и помогать людям принимать меры на местном уровне. Но большинство ответных мер, которые, на мой взгляд, будут эффективными с точки зрения правительства США, относятся к сфере того самого комплексного подхода, поскольку нам действительно необходимо сотрудничество Министерства финансов, Государственного департамента, Белого дома и других ведомств с применением всех инструментов, имеющихся в нашем распоряжении.

Что касается законодательства, мы сообщили Конгрессу, что полностью поддерживаем законодательство, которое позволило бы значительно затруднить существование подставных компаний в юрисдикциях США. В этом направлении поступило несколько предложений. Мы должны занимать прагматичную позицию в этом отношении и поддержать то предложение, которое имеет наибольший шанс получить поддержку обеих партий в Конгрессе. И я сказал своим друзьям на Капитолийском холме, что это самый важный закон по правам человека, за который они могут сейчас проголосовать.

Г-ЖА ШАХ: Вопрос бенефициарного владения и прозрачности сейчас актуален, как никогда. В этом году, если мне не изменяет память, в июне, Европейский совет принял поправки к правилам по борьбе с отмыванием денег, которые будут по сути означать, что все европейские страны должны фиксировать информацию о бенефициарном владении и предоставлять ее центральному органу. Разумеется, все это должно обсуждаться в парламенте, но в некоторых европейских странах уже принимаются меры в этом направлении. Великобритания заявила о создании открытого реестра по бенефициарному владению.

Поэтому, я думаю, настал момент, чтобы США вновь заняли лидирующую позицию. В Конгрессе ожидается принятие соответствующих законодательных мер, как в Палате представителей, так и в Сенате. Это вопрос огромной важности не только для всего мира, но и для многих подразделений TI, которые в различных беспокойных странах трудятся над тем, чтобы коррумпированные лидеры этих стран не могли спокойно переводить свои деньги в США через подставные компании и наслаждаться своим богатством.

Г-Н ПЕСМЕ: Что касается бенефициарного владения, я работаю над этим вопросом уже 15 лет. И лишь в последние три года я вижу, что он стал выходить в политическую плоскость. И, как сказал Том, это очень сложный вопрос, поэтому и решать его нужно на таком уровне. И я думаю, что сейчас мы наблюдаем ряд положительных сдвигов. Добрым знаком является и тот факт, что вопрос этот обратил на себя внимание Большой двадцатки, а это значит, что он перестал быть вопросом только развивающихся стран, а стал проблемой, требующей более широкой мобилизации сил. Кроме того, мы перестали

относится к этому как к проблеме исключительно оффшоров, теперь мы признаем наличие проблем и в «оншорных» центрах, таких как Великобритания, США и континентальная Европа. Я думаю, что все это движется в правильном направлении.

Продолжая наш разговор, я хотел бы упомянуть еще о паре очень важных моментов. Один из них – это соблазн считать, что существует единственное решение. Нам нужно решить данный вопрос. Я думаю, что каждая страна должна сосредоточиться на поиске своего собственного решения, главным критерием эффективности которого должен стать результат, и не пытаться применить какое-то универсальное средство, пригодное для всех. И тем не менее еще многое нужно сделать. Мы по-прежнему рассуждаем на глобальном уровне, а нужно смотреть, что делается на местах, необходимо следить за тем, как воплощаются в жизнь решения, принятые на саммите Большой восьмерки два года назад – нужно сосредоточиться на практической реализации, на обеспечении результатов, чтобы держать взятые темпы, но при этом не парить где-то в стратосфере. Давайте перейдем к конкретике, к тому, как те или иные меры работают на практике, и будем снова и снова добиваться результатов.

Так что, да, это хороший знак. Я полагаю, что несмотря на весь оптимизм нам нельзя расслабляться, нужны практические результаты. Это возможно только в том случае, если все будут участвовать, если мы сохраним взятые темпы. В противном случае мы будем лишь делать новые бреши в системе.

Г-Н ГЕЛЛЕР: Хизер, я знаю, что вы над этим вопросом много работаете.

Г-ЖА ЛОУ: Да, это так. Я много занимаюсь этим вопросом как в США, так и во всем мире. Я думаю, нам важно понимать или рассматривать этот вопрос как способ понять, с кем вы ведете бизнес. А ведь это важно с банковской точки зрения, будете ли вы принимать коррупционные деньги или нет, верно? Это важно и с точки зрения закупок, когда вы знаете, с кем правительство заключает контракт, чтобы это не были какие-то жулики и так далее, чтобы не оказалось, что вы фактически вступили в деловые отношения с политическим деятелем, который прячется за подставной компанией, а если окажется, что это так, то чтобы принять соответствующие меры. Сам по себе такой бизнес не обязательно является противозаконным; важно то, как вы его организуете.

И честно говоря, это очень важный вопрос для любого бизнесмена – ну или бизнес-леди – попытаться выяснить, кто твои потенциальные поставщики. Кто реально стоит за той или иной компанией? С кем на самом деле вы ведете бизнес? По сути все к этому и сводится. И поэтому большинство организаций гражданского общества, занимающихся этим вопросом, добиваются создания открытых реестров, содержащих информацию по бенефициарному владению. Потому что эту информацию должно знать не только правительство, она должна быть доступна для всех, кто занимается бизнесом на самых разных уровнях, а также в мировом масштабе. Поскольку компании работают по всему миру, им очень важно иметь возможность обратиться к органам власти или определенному лицу в одной стране и выяснить, кому принадлежит та или иная компания в другой стране, с которой они ведут бизнес.

Так что соответствующее законодательство разрабатывается сейчас в разной степени по всему миру. Европа, несомненно, обогнала нас в этом вопросе. Европейский парламент на

самом деле принял поправки, в которых говорится, что необходимо создать открытые реестры бенефициарного владения как для фондов, так и для компаний. Европейский Совет министров дал понять, что больше склоняется к идее закрытых реестров, которые составляются государственными службами и доступны только государственным ведомствам. Это будет дорабатываться в рамках того, что там называют процессом триалога. Так что работа в этом направлении еще не завершена.

В США соответствующее законодательство ждет принятия уже несколько лет, кажется, уже лет семь, как в Палате представителей, так и в Сенате, и мы никак не можем сдвинуться с мертвой точки. Одна из причин этого заключается в том, что государственные секретари США возражают против такого закона уже многие годы. Честно говоря, это компромиссный законопроект. С точки зрения гражданского общества он должен быть жестче. Я хочу это особо подчеркнуть. Нам не совсем нравится то окончательное предложение, которое, как мы ожидаем, поступит от правительства США. Мы опасаемся, что этот законопроект на самом деле не позволит получать информацию о бенефициарном владении, и что речь идет лишь об одном контактном лице, а не о реальных бенефициарах. Это серьезный недостаток того законопроекта, который предлагает сейчас правительство.

Беспокоит нас и другое. Например то, что информация будет находиться в распоряжении Министерства финансов – прошу прощения, не Министерства финансов, а конкретно Налогового управления. То есть, они рассматривают эту проблему как вопрос налогообложения, а не как важный вопрос общего характера, касающийся того, кто владеет и управляет компаниями. Так что тут все зависит от подхода, и мне хотелось бы, чтобы правительство США это поняло, разобралось и уяснило для себя все разнообразие последствий, вытекающих из этого вопроса. Благодарю вас.

Г-Н ГЕЛЛЕР: Да, пожалуйста, только побыстрее, Шрути.

Г-ЖА ШАХ: Я только добавлю к тому, что сказала Хизер, что проблема с бенефициарным владением заключается не только в том, чтобы выяснить, кто является юридическим собственником компании. На самом деле вопрос заключается в том, чтобы выяснить, кто контролирует компанию, кто получает выгоду за счет страны. И таким лицом может оказаться вовсе не законный владелец компании, мы не раз видели это в разных регионах мира. Это очень важно не упускать из виду. И я также согласна с Жаном. С тем, что сказал Жан Песме. Дело не только в том, что гражданское общество добивается создания открытых реестров бенефициарного права, оно добивается не только этого. Мы добиваемся целого ряда изменений, которые должны дать результат – в том числе эффективного применения законов об отмывании денег, которые предусматривают повышение ответственности финансовых учреждений за выяснение личности своих клиентов и за проверку полученной информации, чтобы на самом деле знать, как выразилась Хизер, с кем ты ведешь бизнес.

Г-Н ГЕЛЛЕР: Отлично. Позвольте мне теперь обратиться к другой части света. Сав (фонетическая транскрипция имени) из Нигерии задает, на мой взгляд, интересный вопрос о том, что в августе в округе Колумбия прошел большой американо-африканский саммит, участники вели дебаты, выступали с критическими замечаниями. Вопросы прав человека и коррупции получили на саммите достаточно широкое освещение. Итак его вопрос

звучит следующим образом: большинство африканских лидеров не обладают достаточным мужеством и силой воли, чтобы бороться с коррупцией самостоятельно, но при этом не уступают место тем, у кого для этого есть воля и возможности. Как можно оказать поддержку тем, кто хочет инициировать перемены? И, если перефразировать этот вопрос, можем ли мы выбрать победителей? Можем ли мы оказать политическое давление, будучи внешними игроками?

Г-ЖА ЛОУ: США никогда этим не занимаются. Мы никогда так не делаем.

Г-Н ГЕЛЛЕР: И вновь, еще один легкий вопрос для всех или для нескольких присутствующих. Каким же образом тогда мы поддерживаем людей, которые, по-видимому, готовы решать эти весьма трудные вопросы? (Смех).

ПОМОЩНИК ГОССЕКРЕТАРЯ МАЛИНОВСКИ: Я полагаю, в любом случае никогда не следует выбирать политических победителей, какого бы вопроса это ни касалось. Мы должны отстаивать принципы, а не отдельных личностей. Я полагаю, что для внешней политики США это правильный принцип действия. Поэтому мы должны отстаивать принципы, а права людей должны отстаивать гражданское общество, свободная пресса и те институты, которые находятся в центре этой борьбы.

Есть, конечно, особые случаи. Этот вопрос из Нигерии, так ведь? Если в вашем правительстве существует лицо или группа лиц, занимающихся борьбой с коррупцией, и это лицо или группу лиц притесняют, увольняют и преследуют за их деятельность, тогда, действительно, правительство США, я думаю, и другие правительства должны встать на защиту этого лица или группы лиц, поскольку они представляют определенную организацию и занимаются определенной деятельностью. Но я не думаю, что нам следует отдавать предпочтение какой-то конкретной партии или кандидату на государственную должность, поскольку это, прежде всего, может отрицательно сказаться на его восприятии общественностью. Эти движения должны идти от корней. Они должны возникать внутри общества и поддерживаться извне с помощью объективных неполитических кампаний, максимально беспристрастных к кандидатам.

Г-Н ГЕЛЛЕР: Кто-нибудь еще желает высказаться по данному вопросу?

Г-ЖА ЛОУ: Добавлю только, что, на мой взгляд, гражданское общество, как правило, пытается дать людям возможность быть услышанными в той степени, в которой это в наших силах. И обычно мы стараемся дать такую возможность людям, которые, по нашему мнению, разделяют те ценности и убеждения, которые мы пытаемся распространять. Так что...

Г-Н ГЕЛЛЕР: У нас осталось несколько минут, чтобы ответить на пару других вопросов. Итак, еще раз напоминаю хэштег в «Твиттере» – #StateofRights. Так что, если вы хотите подбросить нам еще пару вопросов в «Твиттере», пока мы не закончили нашу сегодняшнюю встречу, пожалуйста, используйте этот хэштег. Вопрос Фараха (фонетическая транскрипция имени) в «Твиттере» – страна не указана, только имя: учитывая природу коррупции, какие методы существуют для точного ее измерения? Это такой своего рода намек на управленческий постулат о том, что невозможно управлять тем, чего нельзя измерить.

Г-ЖА ЛОУ: Это верно.

Г-Н ГЕЛЛЕР: Это можно применить и к правам человека. Все это извечные дебаты о том, как измерить права человека, как измерить коррупцию или прозрачность. Любопытно было бы узнать мнение наших экспертов. Какие методы лучше, какие хуже?

Г-ЖА ЛОУ: Я отвечу сразу, потому что мы проводим массу измерений. Я знаю, что мои экономисты убьют меня за такие слова, но если честно, нам ведь не нужны измерения, чтобы знать, что проблема существует, правда же? Нужно просто жить с этой проблемой. И если коррупция пошла на спад, мы это сразу замечаем, разве не так? Мы это чувствуем. Мы живем с этой проблемой. А сегодня во всех областях политики, неважно, международной или национальной, большое внимание мы уделяем данным. И я скажу вам, поскольку окончила Чикагский университет, один из наиболее экономически ориентированных...

Г-ЖА ШАХ: Да.

Г-ЖА ЛОУ: ... университетов в мире, что в первый же день занятий на моем первом курсе по экономике в Чикаго наш профессор сказал нам: «Я хочу, чтобы вы все четко уяснили для себя одну вещь. Статистическая погрешность в экономике составляет порядка 60%. Причина проста: для того, чтобы построить какую-то модель, нужно принять известные допущения. И эти допущения в некоторых случаях могут быть весьма существенными». Понимаете? Поэтому нам надо быть осторожными с цифрами и не полагаться на одни только цифры, доказывая свои утверждения. Вот что мне хотелось бы подчеркнуть.

Г-Н ПЕСМЕ: Я по образованию математик, поэтому я люблю иметь дело с числами. (Смех). Но дело здесь не в числах. Многие годы я думал, что измерения на самом деле не так важны. И я полагаю, что это на самом деле чрезвычайно сложно, и нам нужно очень осторожно обращаться с этими числами, миллиардами (неразборчиво) и так далее. Мы этого не знаем. Хорошо, когда известен порядок величины, но мы не знаем, два это миллиарда, десять или пятнадцать.

Г-ЖА ЛОУ: Все верно.

Г-Н ПЕСМЕ: Но что очень важно, и я полагаю, что нам нужно тщательнее учитывать это в сфере борьбы с коррупцией, – это измерение воздействия государственной политики. В правильном ли направлении мы работаем? Какова эффективность одной стратегии по сравнению с другой? Это огромная проблема для системы правоприменения. Сотрудники правоохранительных органов склонны рассматривать дела с точки зрения раскрываемости, когда раскрытое дело является успехом. Но ведь есть дела, которые менее важны, чем другие. Мне кажется, именно тут важно измерить эффективность стратегии, понимать риски. И это необязательно (неразборчиво) наиболее точная оценка доходов, полученных в результате коррупционной деятельности. Я думаю, мы будем еще много лет спорить об этом с GFI – (смех) – но на самом деле спорить в данном случае полезно, поскольку мы, по крайней мере, пытаемся сделать невозможное возможным. Но измерять влияние стратегии – это очень важно. Я имею в виду, с точки зрения (неразборчиво), наша задача

состоит только в том, чтобы возвратить каждый доллар, и все? Или же в том, чтобы мы могли заявить, что международное сообщество вернуло 50% похищенных активов? Я не знаю, но этот вопрос нужно обсуждать.

Г-ЖА ШАХ: Я очень кратко о том, нужно ли действительно измерять коррупцию, чтобы быть в состоянии с ней бороться. Помнится, несколько лет тому назад я была на выступлении одного американского профессора, и это выступление я до сих пор хорошо помню. Он сравнил коррупцию с черной дырой – не потому что, как только ты оказываешься рядом, тебя туда засасывает, а потому что о существовании коррупции можно безошибочно узнать по поведению всего, что ее окружает. Так что коррупция ощущается физически; если ты живешь в обществе, где укоренилась коррупция, ты это чувствуешь. Это ощущается по тому, как ведут все окружающие тебя люди. Вот это я хотела добавить.

Г-Н ГЕЛЛЕР: И для вас, Том, вдогонку еще один коротенький вопрос. Скажите, доклад Государственного департамента о правах человека уже несколько лет оказывает мобилизующее воздействие на это общественное движение и создает весьма интересные политические прецеденты. Как вы думаете, есть ли необходимость в составлении в будущем докладов по коррупции в отдельных странах, какие доводы за и против здесь можно предложить? Не поможет ли это людям, работающим, как вы, в правительстве, лучше и больше работать? Не повредит ли это делу? Не будет ли это бесполезным? Просто с гипотетической точки зрения.

ПОМОЩНИК ГОССЕКРЕТАРЯ МАЛИНОВСКИ: Дело в том, что когда вас приводят к присяге как помощника государственного секретаря по демократии и правам человека, вам приходится чуть ли не кровью расписываться под клятвой, что вы будете против любых дополнительных требований к составлению докладов. (Смех). И это несмотря на то, что нам очень нравятся наши доклады, ведь они действительно... на самом деле мобилизуют. Я даже не знаю. Разумеется, я думал об этом. Но я не могу точно определиться в своем отношении к этой идее. Если совсем на чистоту, я не уверен, что мы сможем достаточно точно измерить и обличить, причем действительно беспристрастно, коррупцию в государственных структурах в каждой стране мира. Я думаю, это будет даже труднее, чем та задача, которую мы уже решаем – выявление нарушений прав человека государством в разных странах мира. По крайней мере, мне так кажется. И если эту работу сможет выполнить на отлично какая-нибудь организация типа Transparency International или другие учреждения, которые могут сделать это абсолютно объективно, а затем попросят нас сделать то, что, по-моему, входит в наши обязанности, то есть принять все необходимые правоприменительные меры, тогда, я думаю, это будет прекрасным разделением труда.

Г-Н ГЕЛЛЕР: Так, я смотрю на часы. Позвольте мне задать еще один вопрос, а потом мы перейдем к заключительной части.

Г-ЖА ЛОУ: Помимо нас в зале еще есть люди.

Г-Н ГЕЛЛЕР: Верно. Справедливое замечание. Благодарю вас.

Г-ЖА ЛОУ: У нас действительно сегодня есть аудитория!

Г-ЖА ШАХ: (Смех). Да.

ПОМОЩНИК ГОССЕКРЕТАРЯ МАЛИНОВСКИ: Да.

Г-Н ГЕЛЛЕР: Я просто очень... меня посадили на хэштеги и «Твиттер». Но давайте по-честному. Может быть мы, вместо заключительного виртуального вопроса – я не знаю, есть ли у нас переносные микрофоны в студии, но если вы достаточно громко прокричите свой вопрос, мы вас наверняка услышим. Итак, господа зрители, есть ли у вас какие-нибудь идеи или вопросы? Давайте посмотрим, сколько у нас вопросов и хватит ли на них времени. Давайте рассмотрим один, два, три коротких вопроса, начиная с дальнего конца зала. Кричите громче, пожалуйста. Да.

Г-ЖА ЛОУ: Да, у нас есть микрофон.

Г-Н ГЕЛЛЕР: О, оказывается, у нас-таки есть микрофон. Отлично. Давайте выслушаем один за другим три коротких вопроса, а потом попробуем ответить на все по очереди.

ВОПРОС: Спасибо большое. Постараюсь покороче. На самом деле мне хотелось бы попросить вас рассказать немного о роли антикоррупционных комиссий, организуемых государствами в мировом (неразборчиво), информируют ли они друг друга, или же работают полностью обособленно?

Г-Н ГЕЛЛЕР: Итак, формальный классический вопрос о комиссиях. Еще кто-нибудь успеет добежать до микрофона, или, я не знаю, может, мы как-то можем его вам передать?

ПОМОЩНИК ГОССЕКРЕТАРЯ МАЛИНОВСКИ: Да я думаю, мы и так услышим, без микрофона.

Г-Н ГЕЛЛЕР: Ну да. Может, вы зададите свой вопрос мне, а мы потом повторим, чтобы все услышали...

Г-ЖА ЛОУ: Давайте, задавайте.

Г-Н ГЕЛЛЕР: Секундочку подождите, пожалуйста. Передайте, пожалуйста, микрофон быстренько. Спасибо.

ВОПРОС: Ну, много рассуждают о том, что приводит к коррупции в высших эшелонах власти, и представитель Transparency International упомянул о кампании «Сорви маску с коррупционера» и борьбе с безнаказанностью властей. Некоторые полагают, что коррупция в особо крупных размерах должна считаться международным преступлением. В настоящее время только Международный уголовный суд (МУС) может привлекать к ответственности глав государств. Не стоит ли нам рассмотреть возможность создания международного антикоррупционного суда для борьбы с коррупцией на самых высших уровнях?

Г-Н ГЕЛЛЕР: И последний вопрос из передних рядов...

ВОПРОС: Что можно сделать, чтобы больше информации по этому вопросу было доступно в Интернете, чтобы люди могли видеть, что происходит, какие сделки заключаются, что вкладывает каждая сторона и каковы критерии?

Г-Н ГЕЛЛЕР: Отлично. Благодарю вас. Ну что ж, давайте начнем по порядку, чтобы не обидеть Тома, который сидит ближе всех ко мне; начнем с помощника госсекретаря и далее по порядку. Можете взять по одному, по два или даже по три вопроса, а потом мы будем закругляться.

ПОМОЩНИК ГОССЕКРЕТАРЯ МАЛИНОВСКИ: Ну, вообще-то, я думаю, надо было бы... (смех).

Г-ЖА ШАХ: Благодарю вас. Ну, я, пожалуй, возьму вопрос про международный суд, который бы судил руководителей за коррупцию в крупных размерах. Этот вопрос сейчас очень активно обсуждается благодаря статье судьи Вулфа в газете «Вашингтон Пост». Можно сказать, что благодаря этой статье дебаты и возобновились. Что касается Transparency International, то мы пока не заявляли свою официальную позицию по этому вопросу, но мы его изучаем. Дело в том, что безнаказанность представляет собой огромную проблему для отделений TI, работающих в самых разных условиях по всему миру. Так что мы обсуждаем эту тему с судьей Вулфом. Мы изучаем этот вопрос. Мы изучаем его уже достаточно давно, но существуют практические трудности, связанные с суверенитетом, с тем, можно ли добиться того, чтобы страны подписали такую конвенцию – ведь если крупные страны, такие как Индия, Китай, если африканские страны не подпишут ее, что это будет означать? Есть сложные вопросы. Но мы изучаем тему, особенно в контексте проводимой TI в этом году кампании «Сорви маску с коррупционера».

Г-Н ПЕСМЕ: Два коротких замечания. По поводу антикоррупционных комиссий сейчас ведутся дебаты, и, собственно, я не специалист, но, насколько я понял со слов моих коллег, работающих по этой теме в Банке, нет никакой уверенности в том, что создание таких независимых комиссий даст ожидаемые результаты. Так что многое зависит от условий конкретной страны. Эта мера хороша тем, что посылает очень мощный политический сигнал. Она создает массу проблем с точки зрения интеграции в правовую систему, процедуры, судебного преследования и т.д. Поэтому, я считаю, что нам нужно очень осторожно подходить к такому решению по борьбе с коррупцией, учитывать местный контекст, степень добросовестности существующего института и т.п. Так что вопрос этот далеко не однозначный, дело скорее в принципе, в том, чтобы государство обладало реальным контролем, а не в создании автономного специализированного учреждения.

Что касается международного суда, то у Банка нет на этот счет своего мнения. Еще одна вещь, которую мне хотелось бы подчеркнуть в связи с коррупцией – это огромный пробел в правоприменительной системе. У нас есть Конвенция по борьбе со взяточничеством, она существует уже многие годы, у нас есть Конвенция ООН против коррупции (КООНПК). Если взглянуть на существующий инструмент, виден огромный пробел в правоприменении. Так что мой ответ отчасти звучит так: давайте сначала выберем то, что у нас есть...

Г-ЖА ЛОУ: Да.

Г-Н ПЕСМЕ: ... и для начала сделаем так, чтобы все имеющиеся в нашем распоряжении инструменты использовались максимально эффективно. Может, тогда мы обнаружим оставшиеся настоящие пробелы, серьезные проблемы, но дело в том, что всегда есть соблазн придумать что-то новое вместо того, чтобы попытаться использовать то, что уже имеется, и понять суть проблемы. Если посмотреть на антикоррупционное соглашение ОЭСР, то выясняется, что прошли годы, прежде чем некоторые страны, подписавшие это соглашение, приступили к его реальному исполнению. И в некотором роде создание международного суда может стать для них отговоркой, что, мол, теперь это не наша забота. Пусть теперь суд этим занимается. И с точки зрения глобальных коллективных усилий в конечном итоге это окажется большим минусом.

Г-Н ГЕЛЛЕР: Хизер? Ваши последние замечания?

Г-ЖА ЛОУ: Ну я хочу предложить провокационное мнение, а именно: когда мы говорим о международном суде, я лично воспринимаю этот вопрос гораздо шире. Для меня это является подтверждением того факта, что мы живем в обществе и в мире, где для денег нет никаких границ. Эти деньги могут перемещаться из страны в страну в мгновение ока и при этом практически бесконтрольно. Однако у нас есть правовая система, в рамках которой мир делится на суверенные государства, управляемые суверенными законами, правильно? Получается, что правоохранительные органы не в состоянии следить за передвижением денег с той же свободой, с которой передвигаются сами эти деньги. И это касается всех аспектов глобализации. Я не говорю, что глобализация – плохо; я лишь хочу сказать, что мы пока не успеваем за глобализацией в плане соблюдения законности во всем мире. И над этим нам обязательно стоит задуматься. Таково мое мнение.

Что касается того, чтобы выложить всю информацию о сделках в Интернет, то понятно, что некоторые сделки никогда не станут достоянием интернет-общественности, и это правильно. Но сейчас безусловно гораздо больше делается для расширения общественного доступа к различным контрактам, и в первую очередь государственным, чтобы люди могли посмотреть, не скрываются ли за ними частные махинации, честно ли заключается та или иная сделка, и так далее. Что может убедительнее свидетельствовать о коррупционном платеже, чем чрезвычайно невыгодная сделка? Кроме того, во многих правительственных контрактах, в частности, в международных контрактах, можно найти положения о суверенной неприкосновенности, а это тоже характерный признак. Так что существуют реальные сдвиги в данном направлении. Я полагаю, они уже происходят в некоторых странах. Например, мне известно, что на Филиппинах этим очень серьезно занялись. Колумбия также довольно много делает в этой области. Так что я бы посоветовала обращать внимание именно на такие вещи, если вы занимаетесь так сказать “поиском в Google”, ищите, кого поддержать, в чем поучаствовать. Этому, несомненно, стоит уделить внимание.

Г-Н ГЕЛЛЕР: Хотелось бы кратко отметить, что у нас здесь, в «Открытом правительстве», наблюдаются сейчас очень интересные события. Я говорю о новом движении, которое называется «Движение за открытые контракты», и в его составе на полную ставку будет работать недавно направленный Всемирным банком специальный секретарь. Так что, если у вас есть желание пообщаться со специалистами по раскрытию информации о правительственных контрактах, обращайтесь туда.

Господин помощник госсекретаря, заключительные комментарии?

ПОМОЩНИК ГОССЕКРЕТАРЯ МАЛИНОВСКИ: Да, может быть по вашему провокационному замечанию. Действительно, я считаю, что у нас уже есть все инструменты и механизмы, необходимые для работы с потоком проходящих через международную систему средств, приобретенных коррупционным путем.

Г-ЖА ЛОУ: Но это медленный процесс.

ПОМОЩНИК ГОССЕКРЕТАРЯ МАЛИНОВСКИ: Ну, как и любое правоохранительное расследование в правовом государстве. В смысле, не забывайте, что Соединенные Штаты по-прежнему являются нервным центром международной банковской системы. И если вы осуществляете операцию, которая начинается в Бельгии, а заканчивается в Нигерии, это не обязательно значит, что вы обходите США стороной – совсем наоборот. Потенциал у нас огромный, и поэтому, на мой взгляд, мы обязаны быть нервным центром международной кампании против коррупции. Чтобы кампания была эффективной, нужна прочная фактическая основа для действий. Нужны качественные разведданные. А их не всегда легко получить. Мы живем в обществе верховенства закона. Мы не можем предпринимать действия, если интуиция нам подсказывает, что такой-то руководитель коррумпирован, потому что это и так видно. Нам нужны доказательства, мы должны действовать по правилам. Но если у нас есть такие доказательства, есть соответствующая политическая воля, то я думаю, что потенциал у нас достаточный, даже без многонационального международного суда, который, даже если бы мы согласились, что его создание будет целесообразным, и решили двигаться в этом направлении, он начал бы нормально функционировать только через годы, тогда как у нас уже сейчас есть инструменты и механизмы, которые при желании можно использовать более активно и эффективно.

Г-Н ГЕЛЛЕР: Мы могли бы еще долго говорить, но не будем. Большое вам всем спасибо за то, что присоединились к нам. Позвольте мне сказать два слова о том, как будет продолжаться наша дискуссия. Во-первых, если у вас есть еще какие-то вопросы, вы можете принять участие в нашем онлайн-диалоге. Поэтому не забывайте наш хэштег, особенно в «Твиттере», #StateofRights, чтобы мы могли, так сказать, всем миром взяться за эти проблемы. Видеозапись – сейчас найду, где у меня про это написано – видеозапись сегодняшнего мероприятия будет помещена в архив, а текст всех выступлений будет переведен на несколько языков и выложен в ближайшие дни на humanrights.gov. Итак, огромное спасибо Государственному департаменту за оказанное содействие. И большое спасибо всем, кто присоединился сегодня к нам. Очень приятно, что эта тема интересует такое количество людей. И, наконец, давайте похлопаем нашим четверем экспертам, персоналу социальных сетей, который в поте лица фиксировал происходящее, и всем, кто задавал вопросы. Спасибо. Давайте завершим встречу аплодисментами, а продолжим в режиме онлайн. Спасибо всем. (Аплодисменты).

###